

Русская старина

Том 103

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русская старина: Том 103 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 690 с.

ISBN 978-5-518-01077-2

ISBN 978-5-518-01077-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

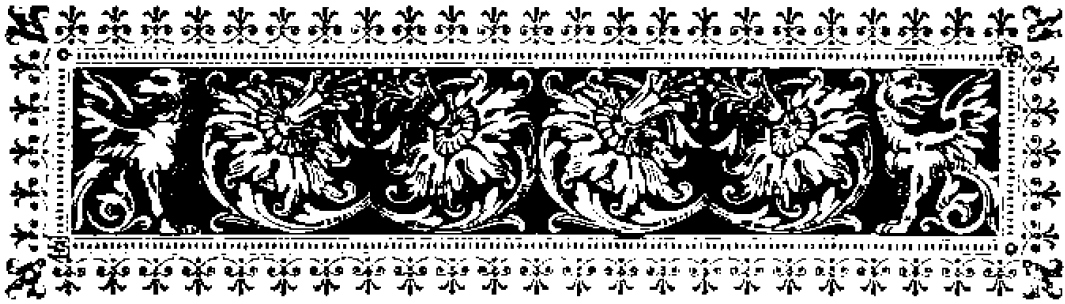
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Императоръ Николай I и Польша.

1825—1831 г.г.

—
XIII ¹⁾.

Наступилъ 1831 годъ,—годъ страшнаго разсчета между Россією и Польшею, наложившаго свою роковую печать на правительственныя мѣропріятія послѣдовавшаго затѣмъ цѣлаго двадцати-пятилѣтія.

Несмотря на всѣ недавнія личныя огорченія, испытанныя цесаревичемъ въ Польшѣ, неалобіе и доброе сердце его имѣли случай выказаться еще разъ въ полномъ блескѣ въ самомъ началѣ года. Посылая императору Николаю въ письмѣ изъ Бржестовицы отъ 1-го (13-го) января 1831 года свои вѣрноподданническія поздравленія и пожеланія наилучшихъ успѣховъ, Константинъ Павловичъ прибавилъ:

«Но я не могу сдѣлать этого, не осмѣлившись еще разъ поручить вашему милосердію заблудшій народъ, члены котораго не всѣ виновны, а виновны именно тѣ, которые вывели его на путь преступленія и всевозможнаго разврата.

«Пощада для нихъ, дорогой и несравненный братъ, и снисхожденіе для всѣхъ,—это мольба брата, имѣвшаго несчастіе, изъ послушанія, посвятить лучшую часть своей жизни на образованіе войскъ, къ сожалѣнію, обратившихъ свое оружіе противъ своей родной страны.—Моя общественная роль кончена послѣ всего того, что случилось со мною въ послѣднее время, никакое командованіе не прельщаетъ меня». Затѣмъ цесаревичъ выразилъ желаніе остаться при своемъ гвардейскомъ отрядѣ,

---

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюнь 1900 г.

выведенномъ имъ изъ Варшавы. «Потерпите, чтобы я остался съ нимъ»,— писалъ Константинъ Павловичъ,—«ихъ судьба будетъ моею. Если же тѣмъ не менѣе вы полагаете, что я долженъ разстаться съ нимъ, разрешите мнѣ совсѣмъ удалиться отъ дѣлъ и сдѣлаться совершенно незначущимъ (que je devienne absolument nul), чѣмъ, я чувствую это все болѣе и болѣе,— я являюсь въ дѣйствительности»¹⁾).

Почти одновременно, императоръ Николай писалъ цесаревичу 3-го (15-го) января:

«Трудно прозрѣть будущее, но соображая въ предѣлахъ человѣческаго разума, взвѣсивая различныя вѣроятія успѣха, трудно предположить, чтобы новый годъ оказался для насъ болѣе тяжелымъ, чѣмъ 1830 годъ; дай Богъ, чтобы я не ошибся. Я желалъ бы видѣть васъ спокойно водворившимся въ вашемъ Бельведерѣ и порядокъ возстановленнымъ повсюду, но сколько еще предстоитъ сдѣлать, прежде чѣмъ быть въ состояніи достигнуть этого.—Кто изъ двухъ долженъ погибнуть,—такъ какъ повидимому погибнуть необходимо—Россія или Польша? Рѣшайте сами. Я исчерпалъ всѣ возможныя средства, чтобы предотвратить подобное несчастье, средства, совмѣстимыя только съ честью и моею совѣстью, эти средства исчерпаны, или, по крайней мѣрѣ, ничто не можетъ заставить меня повѣрять, чтобы ихъ хотѣли тамъ; что же мнѣ остается дѣлать?»²⁾

¹⁾ „Mais je ne saurais le faire sans oser encore recommander à votre clémence une nation égarée et dont tous les membres ne sont pas tous coupables, mais bien ceux qui les ont induits dans le sentier du crime et de la perversité de tous genres. Grâce pour eux, cher et excellent frère, et indulgence pour nous,—c'est le vœu d'un frère qui a eu le malheur de passer la plus belle époque de sa vie et par obéissance à former une troupe qui malheureusement a tourné ses armes contre son pays natal.—Mon rôle public est fini après tout ce qui vient de m'arriver; tout commandement ne me flatte aucunement... Souffrez que je reste avec elle (la garde); leur sort sera le mien. Si toutefois vous jugez, cher et excellent frère, que je dusse la quitter, souffrez que je me retire entièrement et que je devienne absolument nul, ce que je sens de plus en plus que je le suis“. (Изъ письма цесаревича Константина Павловича къ императору Николаю отъ 1-го (13-го) января 1831 года).

²⁾ „Il est difficile de pénétrer dans l'avenir, mais en combinant humainement parlant les diverses chances, il paraît difficile qu'elle pût être pire pour nous que celle de 1830, et fasse le ciel que je ne me trompe pas. Je voudrais vous voir tranquillement établi dans votre Belvédère et tout rentré dans l'ordre, mais que de choses à faire avant que de pouvoir en venir là. Qui des deux doit périr, car il paraît que périr il faut, est-ce la Russie ou la Pologne? Décidez vous même. J'ai épuisé tous les moyens possibles pour prévenir un pareil malheur; les seuls moyens compatibles avec l'honneur et ma conscience, ces moyens sont épuisés, ou du moins rien ne peut me faire croire que l'on en veuille là bas; que me reste-t-il à faire?“ (Изъ письма императора Николая къ цесаревичу Константину Павловичу отъ 3-го (15-го) января 1831 года).

Вскорѣ въ Варшавѣ принято было рѣшеніе, довершившее разрывъ Польши съ Россією. 13-го (25-го) января 1831 года сеймъ объявилъ династію Романовыхъ лишенною польскаго престола. Такимъ образомъ самъ поляки развязали руки императору Николаю, и единоборство Россіи съ Польшею стало неизбѣжнымъ. Императоръ Николай отвѣтилъ на этотъ вызовъ 25-го января (6-го февраля) манифестомъ, въ которомъ было сказано:

«13-го сего мѣсяца, среди мятежнаго протпвозаконнаго сейма, присвоивая себѣ имя представителей своего края, дерзнули провозгласить, что царствованіе наше и дома нашего прекратилось въ Польшѣ, и что тронъ, возстановленный императоромъ Александромъ, ожидаетъ иного монарха. Сіе наглое забвеніе всѣхъ правъ и клятвъ, сіе упорство въ зломыслии исполнили мѣру преступленій; настало время употребить силу противъ незнающихъ раскаянія, и мы, призвавъ въ помощь Всевышняго Судію дѣлъ и намѣреній, повелѣли нашимъ вѣрнымъ войскамъ идти на мятежниковъ. Россіяне! Въ сей важной часъ, когда съ скорбіемъ отца, но съ спокойною твердостію царя, исполняющаго священный долгъ свой, мы извлекаемъ мечъ за честь и цѣлость державы нашей, соедините усердныя мольбы свои съ нашими мольбами предъ алтаремъ Всевидящаго, Праведнаго Бога. Да благословитъ Онъ оружіе наше, для пользы и самихъ нашихъ противниковъ; да устранить скорою побѣдою препятствія въ великомъ дѣлѣ успокоенія народовъ, десницею Его намъ ввѣренныхъ, и да поможетъ намъ, возвративъ Россіи мгновенно отторгнутый отъ нея мятежниками край, устроить будущую судьбу его на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей нашей имперіи, и положить на всегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленникомъ, мечтающихъ о раздѣленіи».

Въ день изданія манифеста, главныя силы русской арміи перешли границы Имперіи и вступили въ царство Польское ¹⁾, а 13-го (25-го)

¹⁾ Донося императору Николаю 28-го января (9-го февраля) 1831 года изъ Высока и Мазовецка о благополучномъ вступленіи арміи въ предѣлы царства Польскаго, графъ Дибичъ украсилъ письмо свое тяжсловѣснымъ разсужденіемъ, могущимъ служить образцомъ стилистичеки забалканскаго героя:

„L'absence totale de troupes régulières, même de tout poste d'avertissement dans un espace aussi grand et vis-à-vis nos forces concentrées paraît indiquer une grande nullité dans les mesures défensives du gouvernement qui a osé prendre sur lui la conduite de la rébellion criminelle, soutenue malheureusement par la soi-disante noblesse en presque totalité, ainsi que par le clergé, avec cette chaleur insensée qui a toujours distinguée les Sarmates des Slaves du nord et qui me paraît une suite de l'éducation faite toujours dans un sens semi-républicain-aristocratique et des séductions d'un sexe qui s'est distingué dans ce malheureux pays depuis des siècles plus encore par son immoralité et son penchant pour les intrigues politiques, et qui est mené encore par un clergé ignorant et inconséquent et plus immoral encore“.

февраля послѣдовалъ рѣшительный бой передъ Прагою при Гроховѣ, заставившій польскую армію отступить въ Варшаву съ потерю до 12.000 человекъ. Съ нашей стороны потери были также весьма велики и состояли изъ 9.400 человекъ.

Около пяти часовъ вечера графъ Дибичъ, послѣ нѣкотораго колебанія, прекратилъ бой и приказалъ войскамъ стать биваками въ одной верстѣ отъ Праги. Рѣшеніе, внезапно принятое фельдмаршаломъ, лишило его плодовъ одержанной побѣды и возможности окончить кампанію однимъ рѣшительнымъ ударомъ. А между тѣмъ дѣла противника находились не въ блистательномъ положеніи. Во время сраженія Хлопицкій былъ тяжело раненъ; удаленіе его съ поля битвы лишило польскую армію общаго управленія. Номинальный главнокомандующій Радзивиллъ совершенно растерялся, шепталъ про-себя молитвы, а на вопросы отвѣчалъ текстами изъ священнаго писанія: малодушный Шембекъ плакалъ; Уминскій ссорился съ Круковецкимъ, и изъ старшихъ строевыхъ начальниковъ одинъ Скржинецкій сохранилъ полное присутствіе духа и обнаружилъ распорядительность, содѣйствующую поддержанію нѣкотораго порядка въ потрясенной арміи¹⁾. Когда же, послѣ нашей кавалерійской атаки, среди поляковъ распространилась паника, она отразилась и на Радзивиллѣ, который ускакалъ со свитой въ Варшаву.

«Если бы Дибичъ звалъ—въ какомъ состояніи находилась польская армія»—пишетъ А. К. Пузыревскій,—«то едва-ли бы приостановился въ нанесеніи полякамъ рѣшительнаго удара. Деморализація была полная; всѣ почти стремились въ Варшаву, полагая тамъ найти убѣжище. Радзивиллъ дотога растерялся, что приказалъ очистить не только Прагу, но и пражскій тетдепонъ; только впоследствии онъ отмѣнилъ это приказаніе, вернувшись и самъ въ Прагу, чтобы озаботиться отступленіемъ арміи за Вислу; Скржинецкій долженъ былъ прикрывать эту опасную операцію, которая началась въ 6 часовъ вечера; сначала должны были переправиться обозы, затѣмъ кавалерія, наконецъ пѣхота. При этомъ случаѣ обнаружилась главная невыгода Гроховской позиціи, т. е., что въ тылу ея было дефиле—единственный мостъ чрезъ Вислу. Потрясенныя части собрались къ нему въ безпорядкѣ; пѣхота, кавалерія, артиллерія, обозы—все это торопилось переправиться поскорѣе, мѣшало одно другому. Около полуночи переправа окончилась. Радзивиллъ поручилъ защиту тетдепона бригадѣ Малаховскаго, а самъ возвратился въ Варшаву.

«Жители Варшавы, слѣдившіе съ возвышеннаго берега рѣки за ходомъ сраженія, были устрешены постепеннымъ приближеніемъ гула

¹⁾ Пузыревскій: Польско-Русская война 1831 года. С.-Петербургъ 1890, т. II, стр. 106.

канонады; множество приносимыхъ съ поля сраженія раненыхъ, разсѣзы бѣглецовъ—все это повергло ихъ въ ужасъ и смятенію; національная гвардія побросала мундиры и смѣшалась съ населеніемъ; не много нужно было усилій, чтобы привести городъ въ повиновеніе русскому правительству; но когда гроза притихла—всѣ постепенно успокоились, и настроеніе быстро измѣнилось¹⁾.

Спрашивается, въ чемъ заключалась таинственная причина ранняго прекращенія боя? Почему графъ Дибичъ отказался отъ немедленнаго штурма Праги и на плечахъ непріятеля не овладѣлъ мостомъ, представлявшимъ единственный путь отступленія для разбитаго непріятеля, или же не выставилъ на берегу многочисленную артиллерию съ угрозой бомбардировать мятежную столицу?—Для объясненія столь страннаго образа дѣйствій фельдмаршала приводятъ разныя причины: графомъ Дибичемъ руководилъ будто ложный расчетъ, на основаніи котораго онъ полагалъ, что, разгромивъ польскую армию, Варшава покорится безъ новаго кровопролитія. Другіе утверждаютъ, что прекращеніе боя послѣдовало по настоятельному совѣту графа Толя. Бенкендорфъ приписываетъ внезапное бездѣйствіе графа Дибича неумѣстнымъ совѣтамъ цесаревича Константина Павловича и пишетъ:

«Въ Варшавѣ распространился общій ужасъ. Мостъ черезъ Вислу былъ покрытъ бѣгущими; безпорядокъ сдѣлался общимъ; мятежная столица уже видѣла себя на краю гибели и выбирала депутацію для поднесенія побѣдителямъ ключей и испрошенія помилованія. Еще одно усиліе, чтобы овладѣть прагскими укрѣпленіями, Варшава была бы наша, и революція окончена. Но въ эту рѣшительную минуту звѣзда фельдмаршала Дибича померкла. Онъ заколебался, велѣлъ войскамъ построиться въ колонны для атаки, повелѣлъ ихъ, но потомъ самъ остановилъ ихъ порывъ и такимъ образомъ задержалъ побѣду, а съ нею и развязку дѣла. Онъ утратилъ свою славу и изъ экспедиціи, которой слѣдовало быть однимъ громовымъ ударомъ, брошеннымъ рукою могущественнаго владыки Россіи на слабыхъ мятежниковъ маленькаго царства Польскаго, развилъ продолжительную кровавую войну. Съ этого времени убѣдившись самъ, но уже поздно, въ неизвинительной своей ошибкѣ и тщетно искавъ ее поправить, Дибичъ потерялъ энергію и то, можетъ быть преувеличенное, довѣріе, которое питалъ къ своимъ дарованіямъ. Въ упомянутую выше минуту, когда онъ велѣлъ свои колонны на прагскія укрѣпленія, одинъ генералъ далъ ему совѣтъ приостановить нападеніе, чтобы избѣжать кровопролитія, и онъ имѣлъ слабость его послушаться. Дибичъ никогда не хотѣлъ назвать этого генерала по имени и тайну свою унесъ въ гробъ; но на смертномъ ордѣ сказалъ графу

¹⁾ Пузыревскій, т. II, стр. 108.

Орлову: «Мнѣ дали этотъ пагубный совѣтъ; послѣдовавъ ему, я провинился передъ государемъ и Россією. Главнокомандующій одинъ отвѣчаетъ за всѣ свои дѣйствія». Заслуженная Дибичемъ укоризна глубоко отозвалась въ благородномъ сердцѣ его, преданномъ государю и Россіи, и погасила его твердость и таланты. Думаютъ, что совѣтъ, остановившій карательный мечъ, поднятый имъ надъ крамольною Варшавой, принадлежалъ цесаревичу Константину Павловичу. Видъ этого города, гдѣ цесаревичъ жилъ и начальствовалъ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, гдѣ образовались его связи и устроился его бракъ, гдѣ укрѣпились всѣ его привычки, видъ этого города въ минуту грозящаго ему бѣдствія могъ тронуть сердце цесаревича и внушить ему мысль о спасеніи Варшавы. Если точно имъ данъ былъ этотъ совѣтъ, то онъ понесъ жестокое наказаніе въ горестяхъ и униженіи, не перестававшихъ съ тѣхъ поръ его преслѣдовать и низведшихъ его вскорѣ въ гробъ, вдали отъ береженной имъ Варшавы» ¹⁾).

Въ письмѣ къ императору Николаю, посланномъ графомъ Дибичемъ на другой день послѣ Гроховскаго сраженія, главнокомандующій ничего не упоминаетъ о данномъ ему совѣтѣ и объясняетъ прекращеніе боя слѣдующимъ образомъ:

¹⁾ Записки генералъ-адъютанта Бенкендорфа были послѣ его смерти прочтаны императоромъ Николаемъ; при малѣйшемъ уклоненіи отъ истины или неточности разсказа, государь дѣлалъ на поляхъ поправки—поэтому историкъ не можетъ оставить безъ вниманія обстоятельство, что разсказъ Бенкендорфа о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ не вызвалъ со стороны императора Николая ни малѣйшаго возраженія. Не служитъ ли отсутствіе всякой поправки косвеннымъ доказательствомъ справедливости и разсказа Бенкендорфа?

Въ нежданной части записокъ Эразма Ивановича Стогова разсказъ о вмѣшательствѣ Константина Павловича въ исходъ Гроховскаго сраженія переданъ со словъ очевидца съ нѣкоторымъ фантастическимъ оттѣнкомъ, слѣдующимъ образомъ:

„Пола у палатки были подняты, Дибичъ передъ палаткой сидитъ на барабанѣ, пригнулся къ колѣнямъ и грызетъ ногти правой руки, замѣтно, что онъ слышитъ каждый выстрѣлъ; штабные, адъютанты, ординарцы—всѣ разославы. Говорили, что сраженіе къ концу, поляки разбиты. При палаткѣ Дибича оставался я одинъ. Вижу, галопомъ ѣдетъ великій князь Константинъ Павловичъ, подѣхалъ и громко сказалъ: „фельдмаршалъ! поздравляю васъ съ побѣдой!“—Дибичъ будто не видитъ, не пошевелился и продолжалъ кусать ногти. Я думалъ, не хватилъ ли онъ чрезъ-чуръ. Великій князь громко говоритъ: „фельдмаршалъ, поляковъ рѣжутъ какъ барановъ! фельдмаршалъ, милосердія!“ Дибичъ не шевелился.—Великій князь всплилъ: „фельдмаршалъ, съ вами говоритъ старшій братъ вашего государя!“ Дибичъ, точно кто ткнулъ шиломъ, быстро вскочивъ, руку къ шляпѣ и проговорилъ: что угодно приказать вашему высочеству?—„Прекратить рѣзню!“—Дибичъ обернулся къ съѣхавшимся штабнымъ и адъютантамъ и повелительно скомандовалъ: „отбой на всѣхъ пунктахъ“. (Записки эти находятся въ распоряженіи редакціи „Русской Старины“).

«Вся линія войскъ подвинулась впередъ, и такъ какъ Грохово оказывалось занятымъ, то поляки бѣжали въ безпорядкѣ и оставили поле сраженія, покрытое трупами и усѣянное ружьями, киверами и даже косами. По приближеніи князя Шаховскаго, я построилъ его баталіоны въ колонны къ атакѣ; въ это время его артиллерія подбивала полевые батареи поляковъ. Пѣхота, кавалерія—все искало спасенія въ бѣгствѣ. Но такъ какъ наступилъ вечеръ, то я не могъ штурмовать само предмѣстіе, еще вооруженное многочисленною артиллеріею. Я приказалъ прекратить огонь (j'ai fait cesser le feu); мятежники отступили къ Прагѣ, гдѣ расположились подъ прикрытіемъ орудій этого укрѣпленія; тамъ они не могли держаться и ночью очистили это предмѣстье» ¹).

Предмостное укрѣпленіе продолжало держаться и, по мнѣнію графа Дибича, занято было на другой день послѣ Гроховской битвы четырьмя или пятью батальонами.

Что же касается цесаревича Константина Павловича, то онъ писалъ государю 14-го (26-го) февраля: «Если бы всѣ оказались на своихъ мѣстахъ, какъ это слѣдовало бы ожидать, день былъ бы рѣшительнымъ и кампанія оконченной. Но Богу угодно было рѣшить иначе, и все отложено до другаго раза. Если бы князь Шаховской прибылъ бы на наше правое крыло, какъ онъ долженъ былъ сдѣлать это, никогда поляки не увидѣли бы снова Праги, но—не понимаю—произошло колебаніе. Впрочемъ, поговорка говорить: *que sans des si et des mais, l'on met des villes dans des bouteilles*» ²).

¹) „Toute la ligne s'étant avancée et Grokhowo se trouvant occupé, les Polonais ont fui en désordre et ont abandonné le champ de bataille, convertis de morts et parsemé de fusils, de schakos et même de faux. Le prince Schakowskoj s'étant rapproché, j'ai formé ses bataillons en colonnes d'attaque; son artillerie démontait pendant ce temps les dernières batteries de campagne polonaises. Infanterie, cavalerie, tout cherchait son salut dans la fuite. Le jour étant cependant tombé je n'ai pu faire attaquer le faubourg lui-même, garni encore de nombreux canons. J'ai fait cesser le feu; les rebelles se sont retirés à Prague où se sont placés sous le canon de cette place; ils n'y pouvaient tenir et comme j'ai eu déjà l'honneur de le dire, ils ont évacué dans la nuit ce faubourg“.

Изъ письма графа Дибича къ императору Николаю отъ 14-го (26-го) февраля 1831 года изъ Грохова, которое начинается слѣдующимъ общимъ обзоромъ боя 13-го числа: „La journée d'hier a été sanglante et décisive. Les troupes de Votre Majesté Impériale ont battu les rebelles, les Polonais furent derrière la Vistule; les approches de Prague avaient été occupées et le faubourg a été évacué durant la nuit, la tête de pont tient seule encore et ne peut contenir que 4 ou 5 bataillons au plus“.

²) Si tout le monde s'ent trouvé à sa place, comme il y avait à prévoir, la journée eut été décisive et la campagne terminée; mais le bon Dieu en a décidé autrement et c'est pour une autre fois que la partie est remise. Si le prince Schakowskoj serait arrivé à notre aile droite, comme il devait le faire, jamais

Получивъ донесеніе о Гроховской побѣдѣ и достигнутыхъ ею отрицательныхъ результатахъ, императоръ Николай высказалъ фельдмаршалу неудовольствіе, справедливо замѣтивъ: «Почти не вѣроятно, что послѣ такого успѣха непріятель могъ спасти свою артиллерію и перейти Вислу по одному мосту. Слѣдовало ожидать, что онъ потеряетъ значительную часть своей артиллеріи и что произойдетъ вторая Березинская переправа ¹⁾. И такъ, потеря 8.000 человѣкъ и никакого результата,

les Polonais n'eussent revu Prague, mais je ne sais, il y a eu hésitation. Au reste le proverbe dit que sans des si et des mais, l'on met des villes dans des bouteilles". (Изъ письма цесаревича къ императору Николаю отъ 14-го (26-го) февраля 1831 года).

¹⁾ „C'est hier à 3 heures qu'est arrivé Boudberg porteur de votre lettre du 14 (26). Je bénis Dieu pour le succès qu'il a daigné nous accorder; la bravoure de nos excellentes troupes ne saurait me surprendre, je ne m'étonnerais que du contraire. Mais je vous avoue, mon cher ami, que je m'attendais à de plus grands résultats, et surtout plus décisifs, vu l'immense supériorité de nos forces et les autres avantages que la position nous offrait. Il est presque incroyable qu'après de telles chances, l'ennemi ait pu sauver toute son artillerie et repasser en entier la Vistule sur un seul pont. L'on pouvait au moins s'attendre à lui voir perdre une grande partie de son artillerie et voir répéter un second Bérézina. Maintenant c'est partie remise. Il faut le dire que le bon Dieu l'a voulu ainsi et s'y résigner, en continuant cette guerre odieuse avec toute la vigueur possible“.

Изъ письма императора Николая къ графу Дибичу отъ 21-го февраля (5-го марта) 1831 года. Въ томъ же письмѣ, государь снабдилъ фельдмаршала слѣдующими наставленіями на случай сдачи Варшавы:

„Reste enfin la supposition d'une reddition; elle ne doit être qu'à discrétion. Vous ferez dans ce cas arrêter tous les grands coupables, en faisant amnistie à la *me l o c h*; j'appelle grands coupables les auteurs de l'attaque contre Belvédère et les assassins, les membres du gouvernement illégal et sur tout Tchartorisky et Lélével, et autres faquins semblables. Vous établirez dans la ville telle administration que vous trouverez convenable pour le moment. Je vous autorise de transformer le château royal en hôpital militaire, en ne respectant que le cabinet de feu l'Empereur. Tous les objets, tels que l'uniforme de l'Empereur et autres objets qui lui ont appartenus, me seront envoyés sur le champ. Les objets royaux comme trône etc. devront être mis en lieux de sûreté et scellés jusqu'à nouvel ordre. Vous ferez de même mettre les scellés sur la bibliothèque de l'université et celle de la société des belles-lettres. Les canons de Varna devront être enlevés et envoyés à Dunabourg. Du reste la plus exacte discipline, le moins de troupes possible en ville et l'indispensable en casernes. Le mieux serait de confier la garde de la ville à la Garde, qui y possède ses établissemens et ses habitudes“.

Въ письмѣ отъ 4-го (16-го) марта 1831 года, государь снова возвращается къ этому предмету и пишетъ:

„Ma lettre précédente vous a délié les bras et mis au fait de mes résolutions irrévocables: 1) *S o u m i s s i o n* complète. 2) *A m n i s t i e* pour tous hors les grands coupables, et rien de plus; il s'entend que je conserverais au pays ses lois d'administration, mais rien d'engagemens constitutionnels

развѣ только тотъ, что непріятель потерялъ по малой мѣрѣ то же число людей. Это очень, очень прискорбно! но да будетъ воля Божія!»¹⁾

Но какъ бы то ни было, графъ Дибичъ не сумѣлъ воспользоваться психологическимъ моментомъ и потому несетъ передъ потомствомъ отвѣтственность за недовершеніе побѣды подъ Гроховымъ, а въ слѣдствіе сего за семи-мѣсячную отсрочку въ покореніи царства Польскаго²⁾. Поляки опомнились во-время; князь Радзивиллъ отказался отъ

---

et surtout de conditions de soumission. Plus que l'on tardera à se soumettre et plus que l'on aura versé de sang et moins l'on pourra espérer d'indépendance”.

¹⁾ „Ainsi 8.000 hommes hors de combat, et excepté une perte pour le moins égale en hommes chez l'ennemi, aucun autre résultat! C'est bien facheux. Mais que la volonté de Dieu se fasse!“ (Изъ письма императора Николая графу Дибичу отъ 24-го февраля (8-го марта) 1831 года).

²⁾ Въ письмѣ отъ 8-го (20-го) февраля 1831 года, императоръ Николай писалъ между прочимъ графу Дибичу:

„D'après ce que vous me dites, je vous crois maintenant devant Varsovie, mais je me demande ce que vous y ferez? Une fois que l'ennemi a su se refuser à un combat en rase campagne, où le nombre vous assurait un avantage probable et qu'il se sera renfermé dans les retranchements, quel avantage aurez-vous? Voulez vous faire le second volume de l'assaut de Praga? Je n'y vois rien d'avantageux? ainsi que reste-t-il à faire? Il me paraît, comme je vous l'ai toujours dit qu'en tournant Varsovie et en l'isolant ainsi de tous les moyens physiques et moraux, c'est à dire en la privant par là de ses relations avec l'Europe, vous forcerez probablement l'armée à sortir et venir vous offrir le combat où toute chance de succès est pour vous et cette armée tombée, détruite, Varsovie est à vous et par conséquent la Pologne soumise“.

Приведенныя строки изъ письма государя подали поводъ къ ошибочному заключенію, будто бы императоръ Николай, не одобряя повтореніе Суворовскаго штурма, вызвалъ бездѣйствіе графа Дибича послѣ Гроховской побѣды. Письмо государя написано при томъ очевидномъ предположеніи, что поляки въ виду наступающей русской арміи откажутся отъ намѣренія принять сраженіе въ открытомъ полѣ впереди Прага; сверхъ того упомянутое здѣсь письмо получено было графомъ Дибичемъ 14-го (26-го) февраля, на другой день послѣ Гроховскаго сраженія, въ то время, когда фельдмаршалъ собирался послать въ Петербургъ донесеніе о происшедшемъ наканунѣ боѣ; слѣдовательно, письмо государя, даже ложно понятое, не могло повліять на несвоевременный отбой, данный, по приказанію главнокомандующаго, вечеромъ 13-го (25-го) февраля.

Графъ Дибичъ пишетъ государю 14-го (26-го) февраля:

„C'est au moment où je voulais envoyer le Colonel Boudberg avec la nouvelle de la sanglante bataille d'hier, qui après des chances quelque fois presque douteuses par le retard du détachement du prince Schachoffskoi à reprendre l'offensive, a eu pour résultat décisif la retraite de l'armée rebelle dans un état bien dérangé au delà de la Vistule, que j'ai eu le bonheur de recevoir avec une grande célérité la lettre de Votre Majesté Impériale du 8 Février“.

Дѣйствительно, письмо императора Николая отъ 8-го (20-го) февраля.

званія главнокомандующаго, и вмѣсто него избранъ былъ Скржинецкій, который немедленно принялся за реорганизацію арміи. Измѣнившаяся обстановка препятствовала графу Дибичу исправить ошибку, сдѣланную 13-го февраля; а затѣмъ предстоящее вскрытіе Вислы не позволяло думать о переправѣ на лѣвый берегъ. Оставалось только расположить армію по квартирамъ. Съ этого времени для злополучнаго фельдмаршала начался печальный періодъ колебаній, дѣйствій ошупью и нелѣпыхъ предначертаній, между тѣмъ какъ инициатива дѣйствій всецѣло перешла на сторону поляковъ, которые воспользовались ею не безъ успѣха. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ писалъ Ф. П. Опочинину 13-го (25-го) марта изъ Бѣлостока: «Военныя наши дѣйствія не заключаютъ, какъ ихъ ни рассказывай, доселѣ ничего рѣшительнаго и, по моему глупому смыслу, поляки имѣютъ доселѣ ініціативу дѣйствій надъ нами. У насъ войска на бумагѣ бездна и, какъ говорится, чортова пропасть, а на дѣлѣ взять—вездѣ такой некомплектъ, что ей-ей страшно». По мнѣнію Дениса Давыдова: «Дибичъ былъ человекъ умный, это безспорно, но умъ, подобно безумію, имѣетъ многія степени. Умъ Дибича далеко не былъ необыкновеннымъ. Кажется, что ему была бы по плечу какая-нибудь войничка съ какимъ-нибудь Гессенскимъ курфирстомъ, но врядъ-ли онъ могъ управиться даже съ королемъ Саксонскимъ.—Мантія полководца была не по росту Дибичу».—Скржинецкій и его сотрудники олицетворяли собою образъ того фантастическаго Саксонскаго короля, созданнаго воображеніемъ Давыдова, который долженъ былъ низвести Забалканскаго героя на степень прежняго ничтожества! Въ этой печальной истинѣ пришлось, къ сожалѣнію, убѣдиться постепенно самому императору Николаю, и къ тому же въ войнѣ, отъ которой, по мѣткому выраженію государя, зависѣло: политическое бытіе Россіи.

Николай Павловичъ высказалъ эту мысль въ письмѣ отъ 2-го (14-го) апрѣля, сопровождая еѣ слѣдующими разсужденіями:

«Да будетъ воля Божія! Я ей покоряюсь; но, однако, мнѣ позволено будетъ выразить вамъ мое изумленіе и мою скорбь, что въ теченіе всей этой несчастной войны, вы извѣщаете меня больше о пораженіяхъ,

---

снабженное еще припискою отъ 9-го (21-го) февраля, доставлено было графу Дибичу съ необычайною скоростью, пробывъ въ дорогѣ всего шесть дней. Отвѣтъ же главнокомандующаго полученъ былъ государемъ только по прошествіи восьми дней, т. е. 20-го февраля (4-го марта).

Замѣтимъ здѣсь, что императоръ Николай былъ вообще того мнѣнія, что драма, разыгранная въ Польшѣ, должна быть окончена рѣшительнымъ ударомъ, и писалъ графу Дибичу 17-го февраля (1-го марта) 1831 года, еще до полученія донесенія о Гроховскомъ сраженіи: „Il est temps que ce drame finisse d'une manière éclatante“.